

Виолетта Валерьевна ШепельОмский государственный университет путей сообщения,
аспирант кафедры истории, философии и культурологии, Омск, Россия
e-mail: vvs@78221.ru

Моральное сознание в эпоху постмодерна

Аннотация. Статья посвящена анализу современных трансформаций морального сознания. Рассматривается концепт морали в границах эпохи постмодерна, прослеживается становление индивидуальной морали и потребительского характера отношений между людьми. Особое внимание уделено феномену релятивизма в морали постмодернового человека. Указывается на важность для изменения морального сознания в сторону релятивизма идеи свободы и равенства, способствующей формированию не критичного отношения человека к собственной самости. Исследуется влияние фактора расширения доступа к информации на превращения морального сознания. Рассматривается связанность постмодернового морального сознания с феноменом «краткосрочной» авторитетности. В статье делается вывод о необходимости культурного преодоления моральной энтропии постмодерна.

Ключевые слова: постмодерн, мораль, моральное сознание, постмодерновое моральное сознание, моральный абсолютизм, моральный релятивизм, личность.

Violetta V. ShepelOmsk State Transport University,
Postgraduate Student of the Department of History, Philosophy and Cultural Studies, Omsk, Russia
e-mail: vvs@78221.ru

Moral Consciousness in the Postmodern Era

Abstract. The article is devoted to the analysis of modern transformations of moral consciousness. It considers the concept of morality within the boundaries of the postmodern era, traces the formation of individual morality and the consumer nature of relations between people. It pays particular attention to the phenomenon of relativism in the morality of a postmodern person. It indicates the importance of the idea of freedom and equality for changing moral consciousness towards relativism, which contributes to the formation of an uncritical attitude of a person to his own self. It studies the influence of the factor of expanding access to information on the transformation of moral consciousness. Also it considers the relationship of postmodern moral consciousness with the phenomenon of "short-term" authority. The article concludes that it is necessary to culturally overcome the moral entropy of postmodernity.

Keywords: postmodernity, morality, moral consciousness, postmodern moral consciousness, moral absolutism, moral relativism, personality.

Введение (Introduction)

Современная культурная ситуация сопряжена с масштабными изменениями как в окружающей человека среде, так и в его внутреннем мире. Данные изменения затрагивают все действующие социальные практики, формы переживания человеком целостности личностной идентичности, модусы рефлексии по поводу исторических уроков и т. д. Особую значимость в этом ряду приобретает изменение способов бытования самого морального сознания человека, вариантов его отношения к этическим нормам и требованиям, к их корреляции с его собственными жизненными обстоятельствами.

При любой попытке условного сопоставления современной традиции осмысления вообще концепта морали с аналогичной постмодерновой традицией можно заметить наличие гигантского смыслового и ценностного разрыва между важнейшей современной же моральной максимой, выраженной И. Кантом, заявившим о необходимости поступать так, «чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [1, с. 270], и позднейшими попытками сформулировать некую новую, замещающую версию этой максимы.

Рассмотрение всей историко-философской традиции, протянутой от модерна к постмодерну, демонстрирует

© Шепель В. В., 2025

Для цитирования: Шепель В. В. Моральное сознание в эпоху постмодерна // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 1 (46). С. 48–52. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-46-48-52

постепенное радикальное смещение акцентов от автоматически подразумеваемого кантовским императивом общеобязательного гуманизма к образу человека, не слишком заинтересованного в установлении значимых моральных приоритетов и принципиальных этических основоположений. Данные изменения, конечно, являются отражением процессов, протекающих в соответствующем социокультурном пространстве, к которым можно отнести, например, становление общества потребления, различные эффекты техногенности и технократизма, издержки либерализации, эмансипации и модернизации и пр. Необходимо констатировать, что в каком-то смысле моральное сознание человека эпохи постмодерна существует словно бы в некоем распадающемся состоянии. Постмодерновый человек как таковой, следовательно, перестал быть самоценностью в высшем смысле этого слова, и, вероятно, подобное сущностное превращение морального сознания можно рассматривать в качестве генеральной линии развития современности.

Настоящая статья посвящена исследованию некоторых аспектов существования постмодернового морального сознания, что в свете вышесказанного выглядит очень актуальной задачей.

Методы (Methods)

В фокусе внимания автора статьи находятся концепты «моральное сознание», «постмодерн», «постмодерновое моральное сознание». В их непосредственной и историко-философской аналитике используются методологические установки неклассической философии в целом и феноменологического, постмодернистского и постструктуралистского направлений в частности.

Литературный обзор (Literature Review)

Отдельные современные исследователи утверждают, что вообще развитие морали и нравственности в обществе всегда идет по амплитуде, в которой моральный абсолютизм и моральный релятивизм являются крайними позициями в соотношении общечеловеческого и конкретно-исторического внутри собственно феномена морали. При этом, конечно, «частоты» данных амплитуд в разных культурах не совпадают, и точка морального абсолютизма в одной культуре может совпадать во времени с точкой морального релятивизма в другой, как, например, это происходит сейчас в обществах традиционных культур (например, мусульманских), где все еще сильны нормы морального абсолютизма, и в обществе условного постмодерна западной культуры, где происходит явное скатывание к моральному релятивизму [2].

Одним из главных регуляторов и ведущих элементов морального сознания в целом, его устойчивым принципиальным основанием является концепт долга. Очевидно, что в разные исторические эпохи и в различных культурах (в условиях как морального абсолютизма, так и морального релятивизма) этот концепт трактовался и трактуется по-разному.

Так, согласно рассуждениям И. Канта, именно следование долгу наполняет человеческую жизнь смыслом. Исходя из требований долга, человек реализуется как моральное

существо. Долг здесь определяется как субъективный принцип нравственности, и потому нравственный закон сам по себе становится мотивом человеческого поведения.

Особая ценность философии долга, по Канту, заключается в первую очередь в осознании необходимости уважения людей друг к другу и правам друг друга. Кант ставит знак равенства между понятиями «мораль», «социальность», «человечность», «разумность», «деятельность», т. е. для него в морали заключены все эти качества [1, с. 267–269]. Канта, следовательно, можно рассматривать в качестве образца западного морального «абсолютиста».

После Канта рефлексия морали пошла по пути пересмотра и сущности категории «долг», и отношения к морали как таковой. Например, Ф. Ницше в своих трудах говорил о кризисе современной ему культуры, о воле к власти, ведущей к появлению сверхчеловека, личности, стоящей по ту сторону добра и зла, которая станет носителем нового долга, новой морали и иных моральных ценностей [3, с. 99–120]. Ф. Ницше считал также, что есть мораль господ и мораль рабов, у которых могут быть диаметрально противоположные моральные ценности [4, с. 97–102]. Ницше называл себя первым аморалистом в истории, т. е. человеком, который объявил, что мораль и религия целиком и полностью относятся к психологии заблуждения. Тут он имел в виду, прежде всего, конечно, христианскую мораль, которую считал направленной против инстинктов жизни, осуждающей жизнь.

В XX в. по мере исторического продвижения к эпохе постмодерна наблюдается дальнейшее смещение как самого морального сознания, так и большинства версий его аналитики к моральному релятивизму, границы моральных норм размываются, и характерной чертой становится все большее проявление индивидуальной (релятивизирующей) морали взамен морали общей (абсолютизирующей).

К примеру, Ю. Хабермас беспокоится об исчезновении нравственности как основы межчеловеческих отношений, что, по его мнению, является следствием «онаучивания» жизни человека в целом [5, с. 87–92]. Основную сложность и двусмысленность современного человеческого бытия он видит в отождествлении технической целесообразности и экономических возможностей с моральными требованиями.

Г. Маркузе пишет о формировании так называемого «одномерного человека», выступающего приложением не только технологических процессов, но и всей созданной им «второй», искусственной природы. По его мнению, развитие науки и техники позволило господствующему классу формировать через механизмы потребления новый тип человека с пониженным критическим отношением к происходящему в обществе и смутным представлением о долге и морали [6, с. 407–410].

Французские постмодернисты пытаются определять понятие «мораль» с позиций предельного аморализма и отрицания нравственных императивов. В частности, такой подтекст можно обнаружить в известных рассуждениях М. Фуко о смерти субъекта и об «исчезнувшем человеке», о пустоте, оставленной им [7, с. 404]. Фуко также констатирует, насколько сложно в современных условиях быть моральным существом, поскольку не стало универсальных и неизменных нравственных критериев. Хотя, с его точки

зрения, мораль все еще возможна при условии, что она должна быть результатом индивидуальной самоотверженной работы человека над собой [8, р. 265].

Ж. Делез и Ф. Гваттари отмечают отсутствие в культуре постмодерна сущностного объединяющего стержневого начала. Они рассуждают о том, что эта культура со всей своей сосредоточенностью на идее мира как текста, децентрализацией и сетевой структурой сформировала новый тип человека, которого, по сути, можно назвать шизофреником с множественной субъектностью [9, с. 140–145]. Для такого человека идея морали выглядит чужеродной, поскольку сам моральный феномен требует для собственного существования осознанных решений личности, способной мыслить и действовать в русле соответствующей «централизованной» логики.

Ж. Бодрийяр заявляет, что в современном мире моральные ценности существуют исключительно в виде символов, чистых знаковых форм, в контексте работы которых нет точно установленной разницы между такими понятиями, как истинное и ложное, добро и зло. Согласно Бодрийяру, в мире постмодерна вообще вещи и идеи существуют сами по себе, эффективно самовоспроизводясь, но при этом не обретая никакого смысла [10, с. 45; 11, с. 214].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Прежде чем приступить к рассуждениям о моральном сознании эпохи постмодерна, необходимо вспомнить о том, что, по сути, изначально мораль в пространстве культуры может быть привязана к действию одного из трех сущностных факторов: к возможной природной нравственной ориентации человека, к некоторым сакральным установкам или к положениям условного общественного договора [12, с. 234–235]. При этом ясно, что все обозначенные факторы в совокупности эффективно срабатывают исключительно в контексте устойчивой связи между индивидуальным и всеобщим, между частным и универсальным, между интимным личным и наглядным общекультурным. Мораль не может функционировать ни в качестве системы искусственных, навязанных запретов, ни в форме спонтанных решений отдельного человека. Любое моральное действие, следовательно, нужно оценивать в его соотношении, с одной стороны, с логикой морального сознания индивида, а с другой стороны, со всей системой культурных смыслов, предписывающих всякому одобряемому человеческому поступку строго определенную размерность.

В подобном ключе можно сказать, что моральное сознание выражает некое нравственно-практическое отношение человека к миру, в котором соединяются его представления о должном, образы вероятной счастливой жизни, признание или непризнание ответственности за собственные деяния, корыстные расчеты, планы на будущее, идеологические предпочтения и пр.

Необходимо констатировать, что в эпоху постмодерна глобальная культурная ситуация изменилась таким образом, что моральное сознание как нравственно-практическое видение мира словно бы утратило свои исторически устоявшиеся сущностные привязки. Постмодерн будто бы деконструировал и нравственную природу человека,

и саму возможность всякого серьезного заявления о наличии каких-либо моральных трансценденций или морально авторитетных общественных институций. В современном социуме отношения между людьми приобрели слишком «вещный», материальный характер, что породило эффект обезличенной, функциональной массовости, в поле существования которой моральные качества каждого отдельного человека вообще не имеют большого значения. В эпоху постмодерна сам по себе человеческий поступок как будто всегда обедняется в морально-этическом аспекте, теряет свои «идеальные» моменты, увязывается только лишь с сугубо прагматической мотивацией. По поводу такого рода «обеднения» (хотя и в другом историческом контексте) рассуждал еще М. Бахтин. Он писал о том, что в культуре возможна такая ситуация, когда все ее богатство отдается на «услужение биологического акта», когда вместо поступка остается культурный нигилизм, акт-потребность и биологическая субъективность, и по факту мы получаем не поступок, а техническое действие, технический или биологический акт [13, с. 34].

Следует заметить, что первоначальный импульс будущего изменения морального сознания глобального человечества от некоего морального абсолютизма к моральному релятивизму и нигилизму пришелся на эпоху Просвещения. Позднее с развитием научно-технического прогресса и увеличением количества научных открытий и технических изобретений движение морального сознания в сторону релятивизма значительно ускорилось. В условиях современного информационного общества, в период развития и расширения соответствующих технологий значимость общечеловеческих моральных принципов в социокультурных коммуникациях продолжала снижаться.

Моральные нормы и принципы, воспринимаемые во времена морального абсолютизма как заданные Богом и поддержанные Его безусловным авторитетом, по мере продвижения к эпохе постмодерна стали переоцениваться с точки зрения прямой полезности, т. е. стали утрачивать религиозное содержание и приобретать характер чисто человеческих установлений. Смена источника моральных норм определила вектор развития морального сознания. Моральные трансценденции прошлого были отброшены в пользу индивидуализма, прагматизма и человеческого волюнтаризма [14].

Важными вехами в изменении морального сознания в сторону морального релятивизма стали идеи свободы и равенства, прозвучавшие еще в лозунгах Великой французской революции и повторенные в работах философов эпохи модерна. Оказалось, что идеи равенства парадоксальным образом формируют у человека негативное отношение к возможности существования различий между индивидами. В свою очередь, это приводит к формированию не критичного отношения человека к собственной самости и к отрицанию возможной авторитетности отличающегося Другого. Идея же свободы, которая во многом трансформировалась в идею личной свободы отдельного человека, постепенно стала восприниматься как определение рамок дозволенного. И здесь опять на первый план вышло не общее Благо, бывшее целью действий человека во времена морального

абсолютизма, а личная польза индивида, что и определило современное отношение последнего к моральным нормам и принципам как к чему-то, чем он имеет полное право распоряжаться с выгодой, прежде всего, для себя [15, с. 269].

Именно с данными обстоятельствами связано распространявшееся, еще начиная с конца эпохи модерна, явление своего рода «краткосрочных» нравственных авторитетов. Примером тут может служить философия того же Ницше, которая стала очень популярной в Германии с приходом к власти нацистов.

Однако не только философы влияли и продолжают влиять на умы человечества, в эпоху постмодерна в мире появляется множество такого сорта авторитетов, относящихся к представителям кино- и шоу-бизнеса, к видным политикам, бизнесменам и даже религиозным деятелям, которые своими высказываниями и образом жизни как бы дают разрешение на отступление от общепринятых норм морали в сторону их переоценки, нарушения. Ярким примером здесь может также служить отношение к однополым связям, которое от полного отрицания и даже уголовного преследования еще в середине XX в. в странах Европы сменилось на открытую пропаганду в начале XXI в.

Во многом изменение морального сознания связано как раз с расширением доступа к информации для широких слоев населения, что привело к фактически неограниченным возможностям в сфере как потребления, так и распространения информации.

С точки зрения распространения информации подобный доступ дает различным заинтересованным кругам возможность контроля над умами людей путем навязывания тех или иных желаемых ценностей. Человек становится объектом информационной атаки, целью которой является внушение образов, формирующих его поведение [16, с. 214]. Данные образы могут быть ориентированы как на формирование потребительского поведения (посредством открытых и скрытых форм рекламы), так и на формирование нужного поведения электората в политических целях.

С точки же зрения потребления информации такой доступ создает условия для своеобразного информационного «переедания», которое формирует основания для моментальной, текущей переоценки человеком моральных положений с точки зрения полезности в данном конкретном месте и времени.

Таким образом, можно обозначить следующие достаточно устойчивые характеристики морального сознания эпохи постмодерна.

Во-первых, это собственно моральный релятивизм, корни которого кроются, конечно, в отсутствии устоявшихся, не «краткосрочных» авторитетов, отказе от признания моральных норм как постоянной основы поведения, его эталона и побудительного импульса к совершению поступков.

Во-вторых, человек в постмодерновом мире функционирует фактически исключительно как потребитель [17]. Его внимание переключено на достижение личного материального блага, при этом декларируется доступность способов этого достижения, что усиливает общую ориентацию человеческого поведения не на «моральность» поступка, а на полезность, на достижение личной выгоды.

В-третьих, имеет место формирование своеобразной «личной морали» индивида, которой он как будто имеет право распоряжаться, опираясь только на собственные желания и удобные рекомендации «краткосрочных» авторитетов и игнорируя любые возможные претензии гипотетической универсальной морали [18, р. 23–43].

В-четвертых, наличие «личной морали» усиливает общую индивидуализацию морального сознания, приводит к эскапизму и реальному одиночеству человека, который, с одной стороны, становится как будто абсолютным господином самому себе и своей жизни, но, с другой стороны, теперь обречен испытывать бесконечное возрастание уровня личной невротической тревожности на фоне угрожающего осознания полноты моральной вины. В определенном смысле человек в эпоху постмодерна окончательно становится одномерным [16, с. 213].

Смещение акцентов на «личную мораль», отказ от незыблемых авторитетов и универсальных этических принципов приводит к своего рода социальной и культурной энтропии [19]. И здесь возможна формальная аналогия с некоторыми физическими рассуждениями синергетиков по поводу отношений хаоса и недетерминированности: человечество приближается к точке культурной сингулярности, где моральное сознание будет развиваться по непредсказуемой траектории [20].

Заключение (Conclusion)

Успехи научно-технического прогресса в XX–XXI вв. дали человечеству уровень комфорта, при котором современные люди пользуются такими материальными благами, каких не было даже у элит в прежние времена. Тем не менее социокультурная гармония так и осталась недостигнутой. Тот «земной рай», о котором мечтали поэты и философы прошлого, не состоялся [12, с. 336]. Напротив, перед человечеством встали глобальные проблемы, угрожающие его существованию (в том числе нравственному). И, безусловно, важнейшие из данных проблем — современный индивидуализм, функциональная массовость и моральная энтропия.

Метафорически ценность морали в жизни общества можно соотнести с той ролью, которую в биологическом существовании играет воздух. Ее присутствие естественно и незаметно, ценность морали становится очевидной лишь тогда, когда ощущается ее дефицит, когда культурные связи распадаются, а общество рушится. Именно в моменты распада приходит осознание того, что только моральный поступок делает возможным человеческое бытие в качестве надбиологического феномена.

Индивидуальное моральное сознание в эпоху постмодерна перестает быть подлинным действующим регулятором поступков человека. Руководствуясь главным образом своими эгоистическими желаниями, современный человек-потребитель зачастую стремится лишь к внешнему соблюдению «границ» приемлемого поведения, не привязанному к подлинной моральной осознанности. Человек становится как бы актером на сцене, играющим роль в спектакле, при этом не обязательно внутренне согласным со своей ролью. В этой ситуации мутации морали в культуре постмодерна остается лишь надеяться на то, что речь идет

не только о некоем очевидном «обеднении» человеческой субъектности, но и о формировании новой разновидности субъекта, приспособляющегося к сложностям современной культурной данности [21]. Основанием для этих надежд

выступает тот факт, что в истории человечества уже не раз случалось так, что на смену культурному распаду приходил условный Ренессанс и за эпохой морального релятивизма следовал период «нового» морального абсолютизма.

Библиографический список

1. Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 220–310.
2. Мехед Г. Н. Моральный абсолютизм: общая характеристика и современные подходы // Этическая мысль. 2015. Т. 15, № 1. С. 27–50.
3. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Культурная революция, 2012. Т. 5. С. 7–228.
4. Ницше Ф. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 4 : Так говорил Заратустра. М. : Культурная революция, 2007. 432 с.
5. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М. : Праксис, 2007. 208 с.
6. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : АСТ, 2003. 526 с.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сэд, 1994. 407 с.
8. Foucault M. Ethics: Subjectivity and Truth. The Essential Works of 1954–1984. New York : The New Press, 1997. Vol. 1. 334 p.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2007. 672 с.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
11. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : Постум, 2015. 240 с.
12. Гусейнов А. А. Философия — мысль и поступок. СПб. : С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2012. 840 с.
13. Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 2003. 955 с.
14. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
15. Борисов Б. П. Постмодернизм. М. : Директ-Медиа, 2015. 316 с.
16. Струкова Т. Г. Постмодернизм и XXI век: уйти или остаться // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. : Филология. 2021. № 4 (71). С. 207–217.
17. Хлебникова О. В. Потребление как гештальт // Философия и культура. 2017. № 9. С. 1–9.
18. Rorty R. Contingency, Irony and Solidarity. New York : Cambridge University Press, 1989. 202 p.
19. Руди А. Ш. Культурная идентичность в социальном взаимодействии // Инновационная экономика и общество. 2017. № 3. С. 97–103.
20. Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
21. Ильин А. Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма // Знание. Понимание. Умение : [сайт]. 2010. № 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/ (дата обращения: 14.01.2025).